

Дорога в деревню Наньци была нелёгкой: ноги то и дело проваливались под слой глубокого снега. Когда они снова оказались у ворот дома Минь Байгуя, шарф Бянь Хуна и пряди волос перед глазами уже покрылись плотной коркой инея, а тёплое дыхание на морозе осело ледяными кристаллами на бровях и ресницах.

Жун Фэн был укутан ещё основательнее: на нём была не только шляпа-доули, но и подбородок полностью закрыт, так что разглядеть его лицо было невозможно.

Бянь Хун громко забарабанил в дверь, но долго никто не отзывался. Его охватило беспокойство, и он повысил голос, обращаясь во двор, окружённый деревянным забором:

— Дядя, вы дома? Откройте, это Минь Си, дядя!

Он прокричал так несколько раз, и лишь тогда калитка во дворе со скрипом приоткрылась. Чьи-то шаги поспешно заскрипели по снегу, но дверь раскрыли лишь на узкую щель. Увидев, что это и впрямь Бянь Хун, да ещё и с мешком за плечами, Минь Байгуй, не раздумывая, поспешно втянул его внутрь. Он уже собирался захлопнуть дверь, но тут заметил, что снаружи стоит ещё один высокий мужчина. Оценив его габариты, Минь Байгуй невольно похолодел внутри, однако, потоптавшись на месте, всё же махнул Жун Фэну, подзывая его войти.

— Ну... ты, ты тоже, скорееходи, быстрее, чтобы никто не увидел!

Бянь Хун не сразу понял, к чему такая поспешность, но Минь Байгуй почти силой затащил их обоих в дом и даже вышел обратно во двор, чтобы веником замести следы, которые они только что оставили у ворот.

— Тётя, дядя, что это значит? — удивлённо спросил Бянь Хун.

Он снял с плеч мешок и позволил Жун Фэну опустить на пол ношу с просом и мясом. Увидев, сколько всего они принесли, тётка растерялась окончательно: в душе у неё смешались радость и стыд. Радость - потому что племянник мужа, с которым они виделись всего несколько раз, оказался человеком честным и благодарным, не забыл о родне в трудную пору. В такие времена принести в дом еду значит буквально спасти жизнь.

И стыд - потому что тогда она не должна была приводить в дом Ли-санлана из деревни Шаньюй. Именно из-за этого племяннику пришлось выйти замуж за мужчину ради зерна, словно шагнув в огненную яму. В представлениях большинства людей, даже если речь шла о ланьцзюне, самым правильным выбором всё равно считалась женитьба: так он ничем не отличался бы от обычного мужчины. А вот выходить замуж и рожать детей считалось уделом немногих - либо тех, кто становился супругами или наложниками знатных господ, либо тех, кого к этому вынуждала крайняя нужда и невозможность прокормить семью.

Этот молодой ланьцзюнь из семьи Минь ведь ещё и из пограничных войск вернулся, должно быть, человек он умелый. Если бы не такие времена...

Она не стала больше об этом думать и поспешно пригласила гостей присесть. Бянь Хун чувствовал себя сравнительно свободно, всё-таки он уже прожил здесь несколько дней и успел немного освоиться. А вот Жун Фэн чувствовал себя куда более неловко: он хотел из вежливости поприветствовать дядю и тётю молодого ланьцзюня, но так и не смог заставить себя произнести нужные слова. Он попробовал несколько раз - губы под капюшоном то раскрывались, то снова сжимались, но в конце концов он просто отказался от этой затеи, снял с плеч ношу и спросил Бянь Хуна, куда её поставить.

Тот обратился к хозяйке дома:

— Тётушка, у вас семья большая, вот мы сегодня спустились и принесли немного еды. Не много, просто знак внимания.

Тётка тут же загнала детей в другую комнату, опасаясь, что вечно голодные ребятишки, словно мартышки, тут же бросятся к мешкам и начнут шарить в них руками. Ей не хотелось, чтобы «та сторона» увидела это и посмеялась, чтобы племяннику было стыдно и чтобы потом, когда зайдёт речь о родстве, он не смог поднять головы перед мужем.

— Ох, да вы уж и так нас навестили - и то радость, а ещё столько всего принесли... В такие годы еда на вес золота. Деточки, тётка вам эту доброту на всю жизнь запомнит.

Пока она говорила, слёзы подступили сами собой. Уже несколько лет стояла засуха, неурожай; детей в доме много, ртов много. Сколько раз она ходила занимать зерно, просить продукты, сколько презрительных взглядов вытерпела. Даже в родительском доме ей были не рады: стоило вернуться, как родной племянник тыкал в неё пальцем и говорил: «Опять нищенка пришла». Даже кровная родня, и та так обходилась с ней.

А сегодня вот племянник, с которым, казалось бы, и родства толком не сыщешь, в самый трудный час протянул руку помощи. Накопившаяся за годы обида хлынула наружу, и слёзы покатались ручьём.

Это так смутило и Бянь Хуна, и Жун Фэна, что оба растерялись, не зная, как быть. В этот момент Минь Байгуй как раз закончил заметать следы на снегу во дворе. Он отряхнул у порога обувь, втянул холодный воздух с шипением и вошёл в дом. Увидев, что жена вытирает глаза, он тут же заговорил.

— Ай да что ты, сегодня же Минь Си вернулся, радость-то какая. Чего слёзы лить, ступай лучше готовить, — сказал он.

Женщина поспешно вытерла глаза, на лице снова появилась улыбка. Она бодро откликнулась:

— Ай, ладно, — и направилась было на кухню.

Бянь Хун тут же остановил её:

— Не хлопчите, тётушка. Юаньдин и Гуаньбао остались дома одни, нам не до еды. Нужно успеть вернуться до темноты.

Минь Байгуй ни в какую не соглашался, и в конце концов всё-таки велел жене сварить хотя бы горячего супа, чтобы ребята согрелись.

Пока шёл этот разговор, Жун Фэн стоял в углу, словно каменная башня, немного скованно, но, к счастью, был укутан так плотно, что его почти не разглядеть. И всё же, даже молча, он производил сильное, давящее впечатление, точно такое же, как при первой встрече с ним Бянь Хуна, когда тому хотелось схватить детей и унести их прочь за восемьдесят чжан. Теперь же Минь Байгуй укрыться не мог: по прихоти судьбы этот человек стал его зятем, вошёл в дом и принёс дары.

Племянник ведь только что спасался от голода, откуда у него могли взяться какие-то запасы? А тут такие тюки и мешки с зерном... Цвет лица у него, по сравнению с тем, каким он был, когда только пришёл в их дом, заметно улучшился: по крайней мере, теперь он выглядел как живой человек, не мрачный, не потухший. И говорит уже не так, будто из него слова клещами тянут: раньше полдня молчал, словно...

Теперь же и взгляд посветлел, и щёки чуть округлились, да и никаких следов побоев не видно. Ходит, живёт. Выходит, слухам верить нельзя. Все эти разговоры про «то самое» - чистая выдумка: будь это правдой, Минь Си давно бы замучили до смерти, разве стал бы он выглядеть так, как сейчас.

Подумав так, Минь Байгуй с досадой буркнул, словно в укор:

— А свекровь-то как, жива-здорова? Передай ей от меня поклон.

— ...

— ...

Жена Минь Байгуя возилась на кухне. Услышав, что в комнате вдруг повисла тишина, она поспешно выглянула из-за двери. Убедившись, что ничего не случилось, она всё же мысленно упрекнула мужа: совсем не умеет гостей принимать, как можно так обрывать разговор, неловко же.

— В трауре. Уже похоронили.

Как только Жун Фэн заговорил, Минь Байгуй тут же пожалел, что не может отвесить себе пару хороших пощёчин. Он поспешил неловко исправиться:

— Э-э... пусть земля будет пухом, это ж, выходит, счастливая смерть. А где похоронили? Как снег сойдёт, я бы сходил, помянул.

— В храме цзышу-нью.

— ...

Ну вот, ясно: место, куда ему вход заказан. Минь Байгуя распирало любопытство - в этот храм ведь так просто не попасть, как же её там похоронили? Но он не осмелился больше спрашивать. Боялся, что слово не так ляжет, и этот высокий, крепкий «живой призрак», его зять, одним ударом уложит его насмерть.

Бянь Хун метнул взгляд на Жун Фэна и поспешил сменить тему. Так первый визит Жун Фэна в дом Минь завершился на этом месте. Разговор оборвался, не успев толком начаться. И много лет спустя, стоило ему вспомнить об этом, сердце всё равно сжималось от неловкости. Виной всему его собственная молодость, скованность и полная неспособность общаться с людьми.

— Дядя, — спросил Бянь Хун, — а зачем вы ещё и следы у ворот замечали?

Минь Байгуй лишь теперь, оправившись от смутения, в которое его ввергли слова Жун Фэна, собрался с мыслями и торопливо предостерёг Бянь Хуна:

— Вы уж по дороге назад поосторожнее будьте, смотрите, чтобы вас кто не приметил.

— Что случилось? — спросил Бянь Хун.

— Непокойно нынче. Грабежи пошли - по домам ходят, всё из-за зерна. Уже несколько дворов разорили. А бывает, и прямо на дороге нападают, без пощады, живых не оставляют.

Бянь Хун нахмурился, Жун Фэн тоже посерьёзnel. Оба сразу вспомнили о тех бандитах в горах, что безжалостно истребляли и ловили обезьян. Бянь Хун поспешно спросил:

— Это разбойники?

— Есть и разбойники, да немного. В такие годы обычные шайки простых людей почти не трогают, поживы никакой, даже на фураж для лошадей не хватает.

С этими словами Минь Байгуй подошёл к окну, осторожно приподнял уголок занавеси и выглянул наружу. Убедившись, что вокруг никого нет, он вернулся и понизил голос:

— Это солдаты-разбойники. В доспехах, при оружии. Действуют скрытно: выходят по ночам,

ударят раз и сразу уходят в другое место. Если попадешься им на глаза - пропал.

Бянь Хун, услышав это, широко раскрыл глаза, даже голос повысился:

— Солдаты? Да как такое возможно, когда на фронте тяжёлая обстановка? Откуда взяться солдатам-разбойникам?!

Он слишком хорошо знал, насколько сурова армейская дисциплина, как жестоки наказания и как строги порядки. Подобного просто не могли допустить. Тогда, в их отряде, один лишь мальчишка, забредший за пределы караульного поста лагеря, был схвачен и казнён на месте, а потом, в самую летнюю жару, его тело повесили у входа в лагерь напоказ в назидание другим.

Минь Байгуй тяжело вздохнул и, почти всхлипывая, произнёс всего одно слово:

— Проиграли.

— Что? — не понял Бянь Хун.

Старик ссутулился, сел на край кана и с силой хлопнул ладонью по бедру - в его жестах было и горькое сожаление, и глухая тревога.

— Мы проиграли. Говорят, на фронте то ли с провиантом беда, то ли ещё с чем, вот так и потерпели поражение. Враг захватывает наши земли и города один за другим. Что будет весной - кто знает. Сменят ли императора, мы тоже не знаем... Лишь бы налоги полегче сделали. Простому народу уже не выжить.

— Как... как такое возможно... — прошептал Бянь Хун.

Он отступил на два шага, но мужчина тут же поддержал его сзади, не дав упасть.

— Как это возможно... Гвардия Хубэнь была столь храброй, шла в бой почти без страха смерти. Перед тем как я ушёл, положение было превосходным... Как же так?

Он бормотал это, словно не в силах принять услышанное.

Минь Байгуй продолжил:

— Вы всё в горах, потому и не знаете. В соседнюю деревню вернулся раненый солдат с фронта без руки. Отсечена чисто, у самого плеча. Чудом жизнь сохранил, вот и позволили вернуться домой. Он по секрету родным рассказал: с тех пор как мы потерпели поражение, в округе стало много беглых солдат, сбиваются в шайки. Всё сходится. А ещё говорят, что нынешний

дашуай* сам из столицы отправился на передовую... Эх, кто знает, удастся ли отбить утраченные земли.

(ПП: дашуай - главнокомандующий)

Бянь Хун замер, не в силах пошевелиться, будто окаменел.

— Минь Си... Минь Си! Что с тобой, дитя, что с тобой?! — встревожился Минь Байгуй.

Он уже видел, как у Бянь Хуна случались приступы, и поспешил шагнуть вперёд, но его остановил Жун Фэн:

— Ничего, ему нужно немного прийти в себя. Я отведу его домой.

С этими словами, не обращая внимания на то, согласен ли Минь Байгуй или нет, он тут же подхватил Бянь Хуна на руки и широким шагом направился к выходу.

Минь Байгуй уже не думал о страхе перед Жун Фэном, он поспешно ковылял следом, на ходу наставляя и почти умоляя:

— Идите осторожнее, лучше окольными тропами. Дома тоже будьте начеку, по ночам не спите мёртвым сном, держите ухо востро. Если кто проберётся с гор, беды не оберёшься. Если что случится, сразу ко мне, к дяде, обязательно приходите!

Жун Фэн обернулся и посмотрел на старика, который шаг за шагом семенил позади: исхудавший, высохший от голода до костей, но с лицом, полным тревоги и неподдельного беспокойства. Он наконец остановился, повернулся и ответил:

— Понял, дядя.

Минь Байгуй замер, услышав это «дядя». Когда он спохватился и хотел было проводить их ещё немного, мужчина уже унёс его племянника далеко вперёд. Старик почесал затылок, тяжело вздохнул и тут же вздрогнул от ледяного ветра. А в доме жена, так и не успев положить половник, выбежала следом и торопливо спросила...

— Эй? Почему вы уже уходите? Суп-то ещё не выпили...

Минь Байгуй махнул рукой:

— Ладно, пойдём, и мы назад.

Когда они вернулись в дом и зашли на кухню, Минь Байгуй с женой вместе развязали мешки, которые принесли Бянь Хун и Жун Фэн, и, переглянувшись, долго стояли молча. Внутри было всё то, что в нынешние годы стало почти недостижимой роскошью: зерно, свинина, кедровые орехи, дикие ягоды, и даже две огромные мороженые рыбины, каких они прежде и в глаза не видели. Этого хватило бы не только для того, чтобы всей семье дотянуть до весны, с такими запасами можно было бы пережить по-настоящему сытую, спокойную зиму.

Жена не выдержала первой: отвернулась, уткнулась в край очага и глухо разрыдалась. Минь Байгуй же медленно перебирал мешки, тяжело вздыхая. Ему было стыдно перед двоюродным братом, у него не хватило ни сил, ни возможностей позаботиться о его трёх детях, и теперь, наоборот, дети пришли спасать его самого.

Наконец он поднялся, протянул руку и тихо похлопал жену, которая без устали хлопотала по хозяйству, мягко утешая её:

— Не плачь. Береги всё это как следует... не разочаровывай доброту и заботу этого ребенка.

<http://bllate.org/book/13502/1265676>